

номъ циркѣ. Этого мало. Упорно держались толки о третьемъ театрѣ — народномъ. Всѣ недоумѣвали: гдѣ же онъ будетъ? Кто сго будетъ держать?

Пока шли разныя соображенія, жалованье театральной прислугѣ и рабочимъ поднималось, и поднималось.

— Коли не прибавите и пять рублей, я уѣду къ французамъ, говорилъ какой-нибудь рабочій. Вонъ еще, говорятъ, третій театръ будетъ. Знающихъ людей мало... оносли рады будете и десять прибавить, да поздно будетъ...

Театральная администрація сопѣла, храпѣла и... прибавляла.

Въ это-то время прїѣхалъ я изъ Киева въ Одессу, вслѣдствіе письма театральнаго пріятеля (Господи, молю Тебя, избавь меня отъ этихъ пріятелей!). „Прїѣзжай смѣло, писаль онъ, будешь имѣть мѣсто. Фолетти беретъ па зиму два театра. До 15-го сентября играемъ въ Николаевѣ. Что нужно, иши туда“.

Прїѣхалъ. Оказалось, что другой театръ за Келлеръ. Я къ пріятелю телеграмму: „Келлерша перебила у Фолетти, онъ хотѣль составить двѣ труппы, а теперь и эта велика“.

Мнѣ оставалось посвистать и произнести: „вотъ тебѣ, бабушка, и юрьевъ день“.

Разослалъ письма по другимъ городамъ. Въ ожиданіи отвѣтовъ, отъ нечего дѣлать, шлялся въ деревянный циркъ г. Суръ. Надо отдать Суру честь — труппа была у него великолѣпная: Аволо, семейство Меркель, Давенэ, Бонаръ, японцы и проч. Отъ номера исполняемаго Давенэ я всегда уходилъ — первы не выдерживали; такъ было и въ тотъ вечеръ, съ котораго зерно пароднаго театра стало рости и рости. Въ проходѣ мнѣ встрѣтился капельдинеръ Павелъ Павлычъ и говорить: „Л. Н., пожалуйте... дѣло хорошее... Васъ проситъ въ буфѣтъ Чернышовъ“.

— Какой Чернышовъ?

— Да бывшій предводитель дворянства... еще онъ въ Москвѣ игралъ Отелло и другихъ... студенты его лаврами вѣничали — пожалуйте-съ, пока никого неѣть въ буфете. Въ буфете Павелъ Павлычъ *) отрекомендовалъ меня брюисту съ бородой, съ выразительными глазами. Чернышовъ улыбнулся и, пожавъ мнѣ руку, сказалъ: — Вотъ кто настѣ рекомендуется другъ другу! Присидемте. Вы на зиму свободны?

---

*) Почтенній Павелъ Павлычъ былъ уважаемъ всею Одессою. Погибъ заразъ съ женой подъ колесами локомотива.

— Да, я безъ мѣста.

— Мы кончили съ Суромъ, его циркъ за нами до поста, мы его намѣрены передѣлать. Мѣсто для сборовъ великолѣпно.

— Виноватъ, кто же это *мы*?

— Я и два брата графы Морковы. Согласны быть у насть режиссеромъ?

— А какая же у васъ труппа?

— Труппа далеко не полная. Но однѣ изъ братьевъ Морковыхъ ведетъ теперь переговоры со всею кишиневскою труппою.

— Ой!.. она дешево не поѣдетъ.

— Если будутъ дорожиться—возьмемъ кое-кого изъ Николаева, изъ Житомира... Мы уже теперь кончили съ М. Максимовымъ, Вознесенскими, Стоцелями. Все паше затрудденіе въ костюмахъ и библіотекѣ, по мы на это дѣло можемъ положить тысячи двѣ.

— А декорації?

— Декораціи рисуютъ уже здѣсь и въ Килииевѣ.—Да, вѣдь, Суръ, я слышалъ, пробудетъ здѣсь до 1-го ноября.

— Да.

— Такъ какая же вамъ выгода па $3^{1/2}$ мѣсяца снимать?

— Хотимъ попробовать въ видѣ опыта, а тамъ посмотримъ... Такъ что же, вы согласны?

— Согласенъ.

— Объ условіяхъ поговоримъ завтра: или вы ко мнѣ зайдете, или я къ вамъ.— Гдѣ вы живете?

— Въ Парижской гостиницѣ, № 10.

— Да и я тамъ, № 56.

— Ну, вотъ, и отлично. Завтра я буду у васъ часовъ въ 10 утра.

На душѣ у меня посвѣтлѣло. У меня будетъ мѣсто, у меня будетъ дѣло...

Утромъ мы съ нимъ покончили съ двумъ словъ.

— Говорять, есть съ сотни хорошихъ костюмовъ въ Николаевѣ у Выходцева. Не возьмется ли вы съѣздить разсмотрѣть ихъ и ознакомиться съ тамошней труппой. Сейчасъ получилъ телеграмму отъ графа, что съ кишиневской труппой сладить немыслимо.

— Съ удовольствіемъ! Николаевскую труппу я всю знаю; оттуда можно взять Виноградову, Зеленову, пожалуй, ради галерки, Выходцева (онъ тогда дешевле уступитъ костюмы и библіотеку) и помощника режиссера Ив. Никитина. Если будете отвѣчать въ Кишиневъ, протелефонируйте графу, чтобы переговорить съ актеромъ Ковровымъ. Онъ играетъ маленькия ролики, но если ему дать ходъ, изъ него можетъ выйти актеръ. Совѣтую

вамъ въ мое отсутствіе поговорить съ Медвѣдевой и Ворониной, онъ обѣ безъ мѣста.

Дня черезъ три все было улажено. Глухіе городскіе толки о народномъ театрѣ приняли опредѣленную форму. Оставалось недѣли три до предполагаемаго открытия. Я составилъ репертуаръ и дѣлалъ репетиціи въ залѣ у Чернышова. Труппа наша подбывала. Такъ, чрезвычайно необходимый для насъ актеръ С-х-ровъ сбѣжалъ къ намъ изъ городскаго театра. Съ Медвѣдевой и Ворониной было кончено. Явилось точно изъ-подъ земли еще два актера. На открытие спектаклей готовилъ „Грозу“, потомъ „Чужое добро“ въ проѣктъ нейдеть“, затѣмъ „Велизарія“.

Въ газетахъ появились статьи; одна гласила, что присутствіе театра у самой семинаріи — криминаль; другая доказывала, что сонъ живущихъ рядомъ гражданъ будетъ вѣчно нарушенъ музыкой и разъездомъ извоющіковъ. И эти-же газеты молчали, когда цѣлые полгода въ этомъ-же зданіи гремѣли взрывы ядеръ въ разныхъ „Мустафа-паша“, въ „Наполеонѣ въ Египтѣ“; скакали голые мужчины и женщины на лошадяхъ. Видимо были пущены всевозможные подвохи... по гостиницамъ, кафе, актеровъ будущаго театра

обзывали *навозниками*. Первая драматическая актриса городского театра О. К. объявила, что она гнушается подавать руку „лошадямъ-актерамъ“. На это мы отвѣчали глубокимъ молчаніемъ, насть даже нигдѣ не было видно. Собирались иногда у Чернышова, у графовъ. Одни перекидывались въ картишки, другіе спорили о Шекспирѣ, Лессингѣ, Дидро, Энгельѣ. Дикія подчасъ мнѣнія и понятія Чернышова и М. Максимова вызывали оправдѣженія; доставали книги, рисунки, чтобы другъ друга убѣдить. Кипѣло подобіе жизни.

Настало 1-е ноября. Вся труппа Сура почью уѣхала въ Кишиневъ. Остались однѣ лошади. Наша первая афишиа уже висѣла въ городѣ. Но название „народный театръ“ не дозволили, хотя въ печати и въ городѣ оно такъ и осталось. Въ циркѣ раздавалась стукотня топоровъ: ломали, стучали, приколачивали, копали землю. Изъ городского театра постоянно прибѣгали посмотретьть, смѣялись и трунили. Со 2-го числа на 3-е почью вывели лошадей. Рано утромъ городскіе опять не утерпѣли и прибѣжали. „Помилуйте, говорили они, тутъ навозу на двѣ сотни телегъ, лошадей только вывели, воняетъ конюшней, декораціи не новѣшены. Ну, ужъ театръ! Не откроютъ!“

Открыли!

Чернышовъ, графы Морковы двѣ ночи присутствовали сами при работахъ. Придя часа въ четыре въ театръ, я не узналъ бывшаго цирка; чисто, довольно красиво, всюду драпировано. Но я боюсь за зало: хотя и обили его войлокомъ и вторымъ рядомъ досокъ, но навѣрно будетъ холодно. Сколько нашей братии простудится!

Оркестръ грянулъ увертюру. Народъ кинжалъ какъ въ муравейникъ. Самая дорогая ложи стоили 4 р., кресла отъ 1 р. до полтинника, 500 мѣсть за креслами по 40 коп. Галлерея для первого раза по 20 коп., на остальные спектакли по 15 коп. Полный сборъ составлялъ по этимъ цѣнамъ слишкомъ 1,400 руб. Графы сами помогали продавать билеты. Чернышовъ наблюдалъ за неопытными капельдинерами. Артистическая патура Чернышова временами не выдерживала: онъ иѣтъ-иѣтъ, да и вынималъ изъ кармана какую-то роль, читать ее и, забывшиесь, въ виду публики, то гордо подымалъ голову, то размахивалъ руками. Вспоминаю при этомъ анекдотъ съ пимъ во время дебютовъ его въ Москвѣ. Готовясь играть Отелло, онъ ужасно хлопоталъ, чтобы краска дольше держалась, заказалъ не театральному парик-

махеру. Съигралъ. Стираль кольдъ-кремомъ, свиньи саломъ, мыль мыломъ — не сходитъ.—Что же это такое? обратилъся онъ къ парикмахеру. — Вы же просили, чтобы дальше не сходила, а сами не сказали для чего! Такъ онъ недѣли двѣ и ходилъ выкрашеннымъ.

За кулисами было спокойно. Суеты не замѣчалось. Меня встрѣтили долго не умолкавшими рукоплесканіями. Декорации оказались куда лучше городскихъ. Тройная сцена (все выше и выше) дала возможность декоратору артистически поставить *overtur*. Дѣйствующіе не хромали, иные были очень хорсющи.

Въ городскомъ театрѣ въ тотъ вечеръ шла опера и сборъ былъ съ абонементомъ до 200 руб., на другой день тоже.

Спектакли предположили давать ежедневно. Я доказывалъ, что въ этомъ вижу ошибку: репертуаръ изсякнетъ, актеры измучатся и дѣло можетъ поглотить „верхнимъ концомъ внизъ“.

Не вняли...

Хозяйственную часть довѣрили Чернышову. Первымъ дѣломъ онъ набралъ далеко за 1,000 руб. фланели для римскихъ рубахъ, которая, соображаясь по какимъ-то рисункамъ, укоротилъ до-нельзя, хоть брось. На реквизитъ выходило ежедневно

20—30 руб.; не хотѣли сшить купеческихъ и мужицкихъ костюмовъ, а брали ихъ на прокатъ. Гардеробъ помѣстили въ комнатѣ съ землянымъ поломъ: онъ илесневѣль, начкался, пропадалъ... Не грабили антрепренеровъ только тѣ, кто не хотѣлъ; деньги легѣли какъ щенки. Начались несогласія между графами и Чернышовыми. Чернышовъ настаивалъ все ему довѣрить. Довѣрили. Занятый изученіемъ какой-нибудь роли, нянѣчущійся до слѣпоты съ талантомъ своей 13-ти-лѣтней дочери (выирошилъ ей играть Дебору!), онъ книги запустилъ, выдачу жалованья не записывалъ, надѣясь на свою память. Пошли недоумѣнія, упреки. Подошли платежи по магазинамъ, за зданіе театра *). Денегъ нѣть. Кинулся къ жандамъ... систин, клевета, приударили во всю... Я и М. Максимовъ заявили, что откажемся отъ службы, если не вмѣшаются опять графы Морковы. Удалось. Старший братъ уплатилъ до 9-ти тысячъ. Въ это самое время Чернышовъ, летавшій по коридорамъ театра въ одномъ индіячкѣ, простудился, слегъ и, читая монологъ изъ Велизарія, впалъ въ агонію и умеръ.

Наскочили невиданные холода, театръ сталъ пустѣть. А клеветы на Морковыхъ,

---

*) 7,500 руб. за 4 мѣсяца.

какъ въ котлѣ клокотали... Графы, удовлетворивъ требование вдовы Чернышовой (я лично видѣлъ удостовѣреніе въ томъ, за подписями вдовы, ея брата и матери,— говорю лично потому, что въ городѣ говорили, что графы Морковы обобрали Чернышову), стали подумывать, какъ бы выручить хоть часть затраты. На будущій сезонъ разлакомленный содергатель труппы клоуновъ и лошадей задумалъ самъ творить народное дѣло и не отдавая имъ театръ (когда Суръ осуществилъ свое желаніе, страшное совершилось дѣло: почти всѣ тѣ, которые ругали нась „павозниками“, перешли служить къ нему, а мы въ городской театръ). Графы репертуаръ переломили. Явились „Прекрасная Елена“, „Орфей“. Я отказался ихъ ставить.— Гдѣ же, говорю, ваши планы о народномъ дѣлѣ? — Они не дозволили его выставить на афишѣ — ну, и пускай кушаютъ другое блюдо! былъ отвѣтъ.

Вызвался ставить Вознесенскій. Разрѣзъ костюма Елены напереди привлекъ въ „холодный сарай“ генераловъ, профессоровъ, негодіантовъ, до этого уединявшихся во французскомъ театрѣ. Интересно было посмотреть неизданное диво: Оффенбахъ по русски! Бѣдный людъ по привычкѣ продолжалъ ходить. И вотъ всѣ

запѣли „чуя, чуя, чуя“ и „когда я былъ аркадескимъ принцемъ“ и проч.

Мнѣ не было поддержки. Какъ ни тяжелы были промахи Чернышова, по съ нимъ отлетѣла душа задуманного дѣла. Споры объ искусствѣ между „актерами-навозниками“ замѣнились изученіемъ канкана, грызнею, требованіемъ прибавокъ за участіе въ опереткахъ.

Во все это время пресса и образованная публика держали себя замѣчательно безтактико. Нянчились съ Островскимъ, какъ съ испаной торбой: Островскій шель; А. Потѣхинъ тоже; но публика не ходила, хотя исполненіе большинства пьесъ было болѣе чѣмъ удовлетворительно. Этихъ пьесъ хватало на дюжину спектаклей. А дальше что? Островскій! опять кричали попугай, желающіе свести всю народную жизнь къ рамкамъ жизни кутица — и гдѣ же? въ томъ городѣ, где $\frac{2}{3}$ населенія евреи, греки, штальянцы. Ставилъ на репертуаръ общепонятныя пьесы, какъ напримѣръ, „Ревизоръ“, „Испорченая жизнь“, „Материиское благословеніе“ и проч. И тутъ не выгорало! Я грызъ ногти до крови. Чернышовъ при жизни писать отвѣты — не помогало. Никѣмъ не поддерживаемый, я все-таки шель и те-

шеръ своей дорогой — ставилъ все достуин-
ное массѣ, не развращающее ее. Ругали.
Зная, что третъ одесскихъ жителей евреи,
я выкопалъ „Жидовку“, „Гамана“, „Іосифа
Прекраснаго“, пьесы олицетворяющія
яркія черты изъ судебъ еврейскаго наро-
да. Театръ сталъ ломиться. „Гаманъ“ шелъ
семь субботъ подрядъ. Актеру С-х-ву, изо-
бражающему Гамана, евреи кричали „шво-
лочь С-х-овъ“. Пресса и общество оиять
ругали, но только не такъ, какъ жиды, а
взаиправду. Двинула „Аскольдову могилу“
съ гг. Львовымъ, Николаевымъ, съ г-жею
Михайловой... Тоже. А когда стали вы-
думывать жалкіе клочки онеръ — я воз-
сталъ. Возмущились. Посыпались аноним-
ные ругательныя письма... Клевета полѣз-
ла черезъ приемныя въ кабинеты... Графы
задумали хотя достойно вознаградить изму-
ченныхъ, ошалѣлыхъ актеровъ: храбро
раздали до 3,000 наградныхъ. Явился ро-
нотъ: отчего 3,000, а не 6,000? Первая
актриса сбѣжала. Одинъ актеръ вышелъ
въ „Кенитѣбѣ“ Гоголя инянымъ. Другой
затѣялъ со мною скандалъ... Началось
что-то въ родѣ виттовой пляски.

Къ посту графы имѣли до 15-ти тысячъ
убытку, 46 декорацій, дюжицу сундуковъ
съ истерзанными костюмами, нѣсколько
сундуковъ съ пьесами и нотами.

Какие-же плоды этого театра? Былъ ли онъ другомъ народа до „Елены“?

Три мѣсяца—слишкомъ ничтожное время, чтобы дать утвердительный отвѣтъ. Но по ливнямъ, по мелкимъ трактирамъ, по базарамъ, я самъ слышалъ, говорили наши театръ. Соображая все, у меня опять въ душѣ загорается какая-то надежда: я не имѣю права заклеймить это *первое* начинаніе *кругомъ на водѣ*. Вотъ мои данныя: 1) простой и бѣдный людъ скучалъ безъ *своего* театра; 2) репертуаръ въ городскомъ театрѣ улучшился, постановка пьесъ стала добросовѣстнѣе (до тѣхъ поръ, напримѣръ, 2-й актъ „Ревизора“ играли въ трехдверной комнатѣ съ колоннами,—на томъ основаніи, что другой сырой не было). Появилось нѣсколько новыхъ перемѣнъ сценической мебели, нѣсколько новыхъ декорацій. 3) Оклады актеровъ, музыкантовъ, рабочихъ поднялись. Наконецъ 4) не сдѣлалъ-ли этотъ *починъ* кое-что для открывшагося позже на политехнической выставкѣ народнаго театра?

VIII.

Кое-что свѣтлое.

ЕРГІЙ Васильевичъ, я давно
собирался васъ спросить, отчего
вы не взяли на свой бенефисъ
моего „Провинціального акте-
ра“? „Русскій Вѣстникъ“ его
напечаталъ, значитъ не дрянь-же какая!
говорилъ я, идя по Шато-де-Флеръ“ съ С.
В. Шумскимъ, пріѣхавшимъ къ намъ на
гастроли.

— О, батюш-шка! Я не говорю, она
сценична: Но зачѣмъ-же вы бьете дуби-
ной актеровъ. Вѣдь русскій актеръ, это
птенчикъ... только-что вылупившійся итен-
чикъ. Вы его накормите, освѣтите, но
бить — грѣшино. Вѣдь есть же и между
nами люди. Переберите вашу скитальче-
скую жизнь, увидите. Вѣдь всюду *нехо-*

рошо... зачѣмъ же одними помоями обливать всѣхъ актеровъ поголовно!

Слова покойного С. В. Шумского запали мнѣ въ душу. Теперь часа два у меня свободныхъ. Давай „переберу“, вспомню только одно *хорошее*.

Въ 62-мъ году въ Саратовѣ была поставлена сотня новыхъ фонарей. Городъ просвѣтился. Не прошло двухъ-трехъ ночей—фонари исчезли. Кто укралъ? какъ? куда? Полиція сбилась съ ногъ... Заштатный актеръ Ершовъ, старикъ, брелъ темною ночью домой изъ театра (сердце не утѣшило: побывалъ за кулисами, поглядѣлъ и вспомнилъ былое!). Чуть не около самой его квартиры въ переслѣкѣ окружили его четверо здоровенныхъ мужчинъ.

— Ну-ка, господинъ, говорять, подѣлись съ нами.

— Да что вы, братцы, чѣмъ дѣлиться? У мѣня нѣть ничего.

— Ну ужъ — это врешь, ходишь въ „шальтѣ“, а не въ рубахѣ...

— Нашли, кого грабить, старика актера.

— Стой, ребята! Коли не врешь, такъ правда. Мы вѣдь издавна каждый разъ на галерку ходимъ по нашему дѣлу, поислушать, какъ и что. Ну-ка, сѣрни-

чекъ зажгу. Темно... фонарики-то вѣдь
всѣ мы попрятали...

Рыжій мужчина поднялъ зажженную
спичку къ лицу Ершова.

— Ты Ершовъ?

— Ершовъ.

— Помню. Узналъ. Не тронь его, онъ
мнѣ братцы послѣдній рубль далъ въ
трактирѣ, когда мнѣ нечѣмъ было схоро-
нить жену. Помню! Будь здоровъ, иди съ
Богомъ... Спасибо!

Квартирная хозяйка, половые по трак-
тирамъ, въ которыхъ онъ иногда бывалъ,
товарищи,—всѣ смѣялись надъ актеромъ.
Прокофьевымъ въ Екатеринославлѣ. Смѣя-
лись, что онъ каждый оставшійся кусо-
чекъ хлѣба, косточку, завертывалъ въ бу-
магу и пряталъ въ карманъ. И цѣ по ули-
цѣ, онъ глядѣлъ нѣть-ли, гдѣ жалкой, го-
лодкой собаки. Манилъ ее и кормилъ. Не
преувеличивая можно было сказать—„всѣ
собаки знали его въ городѣ“. Его всегда
сопровождалъ десятокъ собакъ... Онъ былъ
очень несчастливъ... а кто несчастливъ,
тотъ любить животныхъ. А когда его хо-
ронили, за гробомъ шель одинъ товарищъ
и три собаки.

Прекрасный артистъ на типичныя роли Дрейсигъ, бывшій въ одно время театральнымъ портнымъ, только въ экстренныхъ случаяхъ заказывалъ себѣ платье. Всегда самъ себѣ шилъ. Придешь бывало къ нему. Сидитъ поджавши ноги и идетъ.— Что вы это дѣластѣ?— Да что, голубопѣка, нынѣ сюртукъ. Чѣмъ платить, лучше я на старость себѣ сберегу. Вонъ у меня на 36-й страницѣ календаря спрятана сотня рублей. А то что же, по кабакамъ ходить, что ли? а портному плати...

Максимилианъ Карловичъ Шмидгофъ... Онъ былъ замѣчательный музыкантъ и полезный артистъ. 17-ти лѣтъ отъ роду онъ дирижировалъ балетною труппою своего отца. Позже я жилъ съ нимъ вмѣстѣ. Разъ я ему высказалъ, что грѣшно тратить свои силы по трактиркамъ. — А что же дѣлать? — Пинчи... Ты замѣчательный музыкантъ, пинчи оперу. Хочешь, я тебѣ дамъ сюжетъ, напишу... Ты хорошо знаешь малороссійскіе мотивы. Я тебѣ передѣлаю „Тараса Бульбу“. Тутъ могутъ быть великолѣпныя партіи для баса, баритона,тенора, сопрано... Принялись мы съ нимъ за работу. Я въ музыкѣ мало смыслю, но сколько мнѣ сдается, онъ началь съ крыши. Написалъ прежде всего

увертюру. Что это была за увертюра: сколько жизни, правды! Тутъ все было: и рыданіе матери надъ сияющими сыновьями, и раздольная, безиребѣльная степь и крикъ сына: „Батько! гдѣ ты? слышишь ли ты?..“ И въ концѣ гремѣлъ отвѣтъ отца: „Слышу!“ Онъ все это мнѣ игралъ пока на скрипкѣ. Но что это было бы при полномъ оркестрѣ!

Дальнѣйшая его работа застяла. Онъ недавно умеръ. Гдѣ же эта увертюра? гдѣ мое либретто? Не знаю...

Въ Москвѣ, въ артистическомъ кружкѣ, мнѣ рассказывали, былъ такой случай. Какой то актерикъ задолжалъ рублей 20.—Вотъ, давай послѣ этого этой сволочи... Актеръ!... Шмидгофъ подошелъ.—Что такое?—Такъ и такъ.—Вы этого не смеете говорить, тутъ я, говорить, виноватъ. Онъ мнѣ поручилъ отдать, я забылъ. Вотъ 25 руб. И онъ бросилъ на стойку послѣднія деньги...

Такъ вотъ этотъ человѣкъ, лишивъ себя всего, выхватилъ дѣвушку изъ кромѣнаго ада... Надъ нимъ смеялись, но онъ вынесъ ее на своихъ плечахъ, какъ юноша, вынесший при разрушенніи Помпеи своего дряхлого отца на плечахъ. За то въ исчадья мѣсяцы его жизни куда-куда она не кидалась: и брала шитье, и стряпала,

и мыла полы, и сидѣла за стойкой будочки сельтерской воды, и выходила въ хорѣ за 20 коп.

Миръ тебѣ! Ты можешь спокойно спать въ землѣ, мой лучшій товарищъ.

Кто не зналъ Николая Хрисанфовича Рыбакова? Это была желѣзная личность. Громадный ростъ, въ высшей степени симпатичный голосъ, простота...

По выражению нѣкоторыхъ нашихъ театральныхъ орловъ онъ былъ *мужикъ*. Да. Но у этого мужика всю жизнь было то, чего не было у другихъ: *искра Божія*. Сколькимъ онъ помогалъ рублемъ и совсѣтомъ!

О немъ шла одно время слава, что *пѣетъ*. Да, пилъ... Что ему оставалось дѣлать среди стан коршуновъ и свиней? Онъ былъ не развитъ, но душа просила чего-то другаго... Это *другое* онъ доказалъ не разъ и не два. Играль онъ напр. съ Мочаловымъ въ Харьковѣ, въ Скопинѣ-Шуйскомъ,—Ржевскаго. Онъ, говоря нашимъ языкомъ, *убилъ* Мочалова... Это подтверждать всѣ старожилы. Играль онъ при мнѣ уже лѣтъ 50-ти Гамлета; но когда сказалъ Розенкранцу и Гильденштерну: „какъ же вы хотите играть на моей душѣ... весь театръ заплакалъ бы!“ Да, дѣй-

ствительно весь театръ- *плакаль*, и я, играя съ нимъ Розенкранца, тоже пла-
каль. Это было въ 62-мъ году въ Сара-
товѣ, когда держали театръ Глазенаппъ
и Бергъ.

Не рѣдко пускалъ онъ въ ходъ и свой *кулакъ*. Нанялъ онъ напр. себѣ комнатку на хорахъ зала „Шато-де-Флеръ“ въ Кіевѣ. Начался вечеръ; музыка... Онъ раскрылъ дверь своего номера въ *дезабиль*, поку-
ривая папироску. Публика проходила и охала. Явился квартальный. Объясненія. Они кончились очень кратко: онъ безъ шуму взялъ квартального за шиворотъ и спустилъ съ лѣстницы...

Въ послѣдніе годы его жизни, когда ужъ онъ измѣнилъ свой репертуаръ, былъ та-
кой случай въ Харьковѣ. Обращается онъ къ актеру Сахарову и говоритъ ему:—Вотъ что... Приведи ты ко мнѣ этого Иванова-
Козельского, ну чайку попить, что ли. А тебѣ я поставлю водки, только ты ее за-
разъ не пей, а чтобы хватило дня на три...

Привелъ.

— Ты что-жъ это тутъ, говорить Рыба-
ковъ Козельскому: получаешь чортъ знаетъ
что. У тебя вѣдь талантъ. Поѣзжай... Ну,
поѣзжай въ Москву, въ клубы, съиграй.
Тамъ народный театръ. Я тебѣ дамъ
письма...

Поѣхалъ Ивановъ-Козельскій. И теперь Ивановъ-Козельскій одинъ изъ первыхъ артистовъ въ провинціи...

И такихъ десятки случаевъ!

И мертвый онъ постоялъ за себя. Несколько дней не рѣшались его хоропить: лежитъ какъ живой. Жгли тѣло раскаленнымъ жѣлезомъ...

Десятки провинціальныхъ актеровъ, придя на могилу этой колоссальной личности, могутъ одно только сказать: *Спасибо, дядя!* А въ числѣ ихъ и я: *Спасибо, дядя!*

Шесть часовъ утра. По улицѣ бѣжитъ на базаръ маленькой, плотненькой господинъ съ русой бородою. Купилъ на базарѣ бутылочку молока, хлѣба, масла, десятокъ яицъ и два фунтика говядины.

Вернулся домой. Квартирка маленькая. Развелъ керосиновую кухню, надѣлъ фартукъ.

— Пана, сегодня что же будетъ? спрашиваетъ мальчикъ изъ кроватки.

— Яички, душечка, яички.

— Въ смятку?

— Въ смятку.

— И мнѣ и Володѣ?

— Да-да-да... И Пашѣ и Володѣ.

Жена охаетъ... больна. Покормилъ сво-

ихъ мальчиковъ,—въ аптеку. Вернулся.
Написалъ нѣсколько писемъ къ товарищамъ, раскиданнымъ по матушкѣ Россіи.
Заклеилъ нѣсколько афишъ въ бандероль.
На почту. Вернулся обратно. Все благополучно. Изъ картъ выстроилъ домикъ
Пашѣ и Володѣ...

Глядь на часы. Три четверти десятаго.
Въ театръ.

— А, Иванъ Павловичъ! здравствуйте,
здравствуйте, здравствуйте! сыплется крутомъ.

— Пора начинать, говорю я.

Иванъ Павловичъ лѣзетъ въ суфлерскую будку, зажигаетъ свѣчу, очень тщательно поправя на ней ширмочку изъ картона, вынимаетъ изъ кармана леденчикъ, нососалъ его... Карандашъ въ рукѣ.—Готовы?—Готовъ. На какой-либо фразѣ запинется актеръ, сейчасъ карандашникомъ—чиркъ! Помѣтилъ...

Репетиція кончилась. Рюмочка водочки или кружечка пивца. А если еще нѣть двухъ часовъ, то „на счетъ билліарда“.

Прибѣжалъ домой. Опять керосиновая кухня, фартукъ, стряпня при общемъ восторгѣ дѣтей. „Папа-поваръ, папа-поваръ“! Часокъ вздрогнулъ... Въ театръ! Спектакль. Каково ему!... Самсоновъ роли—ни въ зубъ! Киселевскій роли—ни въ зубъ...

Движеніемъ головы, пальцемъ, покажеть изъ будки, когда „перходить“, когда „уходить“...

Браво! кричитъ публика: Самсонова! Кисилевскаго! Спектакль сошелъ превосходно.

А незамѣтная машинка, которая врѣла все дѣло, ни при чемъ...

Скорѣе домой. Кострюлечка, керосиновала кухня... И наконецъ сонъ, благодатный сонъ!

Это мой многоуважаемый товарищъ, суплеръ Иванъ Павловичъ Ананьевъ...

Кухня. Ворчливая кухарка,—пьяный ея предметъ... и спящая дѣвочка.

— Л. Н., что же на счетъ Ричарда? спрашиваетъ меня Козельскій.

— „Дѣтей“ нѣть. На одну-то роль найду, а другую кто-же?

— Вотъ что... Я вамъ достану.

— Валяйте.

Досталъ. Дѣвочка сыграла лучше насть, болѣшихъ. Вглядѣлся я въ нее. Дѣвочка блѣдненькая, лицо въ веснушечкахъ, лобъ хороший.

— Кто такая?

— Дочь моей кухарки, отвѣтилъ Козельскій.

Дѣвочка съ успѣхомъ, толково сыграла

сь десятокъ дѣтскихъ ролей. Какъ завѣ-
дующій театромъ, платилъ я ей за роль
по пятидесяти копѣекъ. Училъ ее Ко-
зельскій и временами я.

Подошелъ другой сезонъ. Предмету-
я матери (онъ былъ нашъ реквизиторъ)
я отказалъ за разныя мошенничества. Дѣ-
вочку принялъ на жалованье: 5 руб. въ
мѣсяцъ. Она была въ восторгѣ и сдѣлала
мнѣ реверансъ.

Козельскій уѣхалъ. Кухарка-мать осталась
безъ мѣста, но говорила: не найду
мѣста—дочка прокормить! Въ актрисахъ
служить, 5 р. получаетъ.

Пришла дѣвочка получать жалованье.
Шутя потребовали отъ нея росписаться
въ полученіи жалованья. Она очень серь-
езно росписалась, получила 5 руб. — и
реверансъ.

Каждую получку жалованья сопровож-
дала словами: — А росписаться? Росци-
шется... и реверансъ!

Между товарищами по иниціативѣ нѣко-
торыхъ актрисъ и энергіи артиста М. Н.
Васильева началась подписка, чтобы опре-
дѣлить дѣвочку въ пансионъ. Собрали до-
статочную сумму денегъ... Опредѣлили.

Хвала и честь вамъ, товарищи!

IX.

Театральное дѣло въ провинції *).

ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ время мы, актеры, громче и громче задаемъ вопросъ: отчего пресса никогда *правдиво* не указываетъ на по-мѣхи, которые останавливаютъ нашъ ростъ, и на средства, къ которымъ надо прибегнуть для улучшения нашего быта? Какъ фактъ, это отрадное знаменіе. Оно заявляетъ о томъ, что известная кучка людей сознала, что *пора* возвысить забытыхъ работниковъ сцены, *пора* измѣнить строй ихъ жизни. Идетъ вопросъ, помимо искусства, о человѣческихъ интересахъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, мужчинъ и женщинъ, совмѣстно работающихъ, кормящихъ своей профессіей себя, семью и не меньшее число музыкантовъ

*) Нисано въ 75 г.

и чернорабочихъ *).—Совмѣстный трудъ мужчины и женщины—желанное, дорогое дитя нашего вѣка. На что указываетъ тутъ *наша* вѣковая практика? что мы выработали?—Ясно, что публика можетъ увидѣть не безъинтересные для нея факты. А заинтересовать публику не шикарнымъ кашканомъ, не исполненіемъ кошачьей аріи, а заинтересовать именно съ этой стороны — уже половина ручатель-

---

*) Я тринадцать лѣтъ живу въ закулисномъ мірѣ, служилъ въ 18 труппахъ и не знаю ни одной, которая была бы менѣе 20 душъ, включая сюда суплера, декоратора и машиниста. Всѣхъ же труппъ, въ зимнее время, въ Россіи и Сибири, по моимъ соображеніямъ, не 44, какъ было указано въ какомъ-то нѣмецкомъ изданіи, а не менѣе 75. Лѣтомъ — цифра сильно падаетъ отъ причинъ, разъясняемыхъ въ своемъ мѣстѣ. Оркестръ въ каждой труппѣ состоить минимумъ изъ 10 душъ; чернорабочихъ и капельдинеровъ столько же. И того, въ зимніе сезоны *три тысячи душъ*. Рѣдко кто изъ нихъ одиночка: у большинства дѣти, неслужащиѣ старики-отцы, матери, сестры, тетки. Я не преувеличу, если скажу, что провинциальные театры кормятъ *десять тысячъ душъ*. Есть труппы далеко за сотни душъ каждая, считая оркестръ и рабочихъ, какъ въ Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Тифлісѣ, Казани.

ства въ томъ, что наше дѣло „не заѣли волки“.

Общество совсѣмъ не знаетъ нашей жизни, хотя и прочло двѣ-три книги по этой части. Оно осталось при прежнемъ незавидномъ о насъ мнѣніи: міровой соръ, отпѣтый народъ, штицы, ни сѣюЩія, ни жнуЩія, ни собирающія въ житницы и т. п. Въ лицѣ своихъ представителей, оно и до настоящей минуты гаркаетъ на насъ: всѣ вы подлецы, пьяницы и... *). Общество по своему право; оно судить по тому, что бѣть въ глаза; по тѣмъ актерамъ, которые блудолизничаютъ у него, по тѣмъ актрисамъ, которая въ желтыхъ шиньонахъ разѣзжаютъ на его „рысакахъ“. Обществу нѣтъ времени подумать, *почему* такой-то блудолизничаетъ? *что* довело такую-то до „рысаковъ“? Эти *почему* и *что*, вмѣстѣ съ иными явленіями, невидимо готовятся въ закулисныхъ дубрахъ, точно постройки микроскопическихъ мадрепоръ въ морскихъ пучинахъ. Писатели не освѣтили это *невидимое* истиннымъ свѣтомъ. Читая нарисованныя ими картины нашей распущенности,—картины болѣе или менѣе вѣрныя,—думалось: вотъ-вотъ скажутъ, отчего у насъ мракъ; по-

---

*) Случай въ Казани.

собять оглядѣться, кое-что оцѣнить, мпогое проклясть. Не тутъ-то было: они не поняли нашей тяги, не услышали нашего крика. Обругали, глухо сослались на „требованія“ артистической жизни, внущили новое отвращеніе къ „тряпью житейской ярмарки“ — и покатили дальше *).

Много у насъ знакомыхъ, друзей—никого. Съ одной стороны — кучка людей въ нѣсколькоъ тысячъ; съ другой—милліоны людей, съ пренебреженіемъ отворачивающіеся отъ этой почтенной кучки.

Кто же насъ отиѣлъ? Не родились же мы такими: было вѣдь и у насъ дѣтство, чистая и хорошія стремленія, учились и мы кое-чему, а иные и многому. И все-таки самыя дорогія намъ существа съ каждымъ сезономъ сгораютъ: молодаго и полнаго надеждъ встрѣчаешь обгорѣлымъ пнемъ; чистую какъ росинка—камеліей;— самъ тупѣешь, теряешься, вотъ точно идешь по темнымъ коридорамъ, двери которыхъ кто-то запираетъ за тобою.

— Кто же?

---

*) Справедливость требуетъ оговорки: въ книгѣ г. Боборыкина „Театральное искусство“ есть одна подходящая четвертушка (стр. 357—358). Одна четвертушка въ продолженіе цѣлаго вѣка!

X.

Театральные правила.

ФТСТВО русского театра, какъ извѣстно, сложилось не требованіями народа.—а волею бояръ. Имянами были не русскіе, а разные Грегори, Кунсты и др. Исполнителями—холопы изъ-подъ плети, да бѣглые сержанты, которымъ губернаторы кричали на сцену: „не робѣй, Дмитрій, не робѣй!“ *). У колыбели звучали

*) Случай съ актеромъ Д. Москвичевымъ въ 1787 г. въ Харьковѣ. Онъ тайно оставилъ орловскую роту и явился на только что устроенному въ Харьковѣ театрѣ въ роли „князя-трубочиста, трубочиста-князя“; при первомъ же выходѣ на сцену, онъ осталъ-бенѣлъ и умолкъ: въ первомъ ряду креселъ сидѣлъ губернаторъ орловскаго намѣстничес-

не родная пѣсни, а шутки принцевъ Пи-
кельгайновъ (герой въ піесахъ Петрова
времени), потомъ вошли ложно-классиче-
скихъ героевъ. Земской связи не было...
Не было у этой колыбели и женщинъ:
ихъ изображали дѣячки (Дмитревскій) и
др.; русскія женщины съ омерзѣніемъ го-
ворили: „Боже, меня храніи быть актер-
шею — на безславіе не пойду!“ Первый
дерзнувшій поступить на это поприще
величались Лизами (Сандунова), Даши-
ми... На могильныхъ ихъ крестахъ не
стыдились писать всякую грязь и — увы! —
не стыдится до настоящей минуты *).
Чуткое женское сердце угадывало гряду-
щую бѣду...

Сытые бары кидали на театръ крестьян-
скія души, земли; но кидали, какъ Людо-
викъ XIV деньги на коллекцію порослятъ,
которыхъ онъ одѣвалъ въ придворныхъ,
въ мѣщанъ и въ канониковъ; порослятъ
учили при помощи палокъ, и они танцо-

ства, знавшій его лично. Громкое поощре-
ніе губернатора вернуло ему языкъ.

*) Вспомните могилу Лядовой.....

Я знаю случай, когда въ одномъ изъ юж-
ныхъ городовъ, лѣтъ двадцать тому назадъ,
не хотѣли хоронить актрису на общемъ
кладбищѣ:

вали; кидали, какъ кость исамъ, нужнымъ для потьшной охоты, или ради „вызывающихъ“ формъ... оставляя себѣ право сѣчь за „баловство“ и за порывы „смѣяться надъ господами“ *). Другими словами: укутывали дитя въ дорогія пеленки, чтобы бросить его въ грязь.

Но вотъ ребенокъ сталъ выростать, думать, вводить на сцену окружающую жизнь. Чтобы работникъ сцены здраво относился къ своему дѣлу, ему дали въ руководство правила. Онъ принялъ ихъ какъ святыню, тѣмъ болѣе, что они были составлены по примѣру европейскихъ театровъ. Усомниться въ ихъ справедливости онъ не думалъ. Все, что могли сдѣлать актеры въ отношеніи этихъ правилъ—это распланировать ихъ *суть* на два отдѣла...

I. Что кладетъ имъ деньги въ карманъ?

„Уважай произведеніе всякаго автора, иначе штрафъ“. Актеръ повѣрилъ: ему все казалось высоко и свято. Ерунда особенно нравилась публикѣ, а значитъ и антрепренеру—и работникъ сцены особенно налегъ на ерунду. Вышло хоро-

---

*) См. «Старинный театръ въ Европѣ»,
г. Веселовскаго.

шо: антрепренеръ имъ дорожилъ, а бене-
фисы работника были полны.

„Уважай публику“; при шиканы и свист-
кахъ ея не смѣй выразить душевной боли
„даже мимикой“—другими словами, под-
ражай инстинктамъ толпы. Работникъ,
въ особенности работница, ухитрились и
это сдѣлать. Мужчина придумалъ превра-
титься изъ актера въ дьявола и клоуна
(смотря по амплуа), — публика одобрила.
Работница, замѣтивъ, что публику можно
подкупить хорошенькими плечами, съ удо-
вольствіемъ стала ихъ показывать. И сей
подносили подарки...

„Уважай директора и антрепренера“,
будь онъ хоть ~~такой~~, который, жалѣя де-
негъ на черный каленкоръ и возвышение
для казни Маріи Стюартъ, велить застрѣ-
лить ее изъ пистолета *).

„Уважай режиссера“, выбранного не
труппою, а антрепренеромъ, будь онъ
хоть ребенокъ или палка; режиссеръ же
и его патронъ должны уважать актера
„какъ того заслуживаетъ талантъ“. — Ра-
ботники имъ лъстили, удивлялись ихъ
изобрѣтательности; вертѣлись какъ бере-
ста на огнѣ. Пресмыканіе и балансиров-

---

*) Разъ навсегда: все приводимое—факты.

ка спасали работниковъ отъ отвратительныхъ выходокъ хозяевъ-хищниковъ: тѣ доставляли имъ хороше дни бенефисъ, роли; а хорошая роль, хоть въ пей подчасъ лапти плети, всегда дѣластъ вызовъ, а вызовъ тотъ же капиталъ.

II. „Хворай восемь дней, иначе — прещаніе жалованья“ *). Антрепренеры и образованныя дирекціи нашли, что сырые, сквозные сараи и подвалы, называемые русскими театрами, могутъ простудить актера только на этотъ срокъ. У простаго люда, добывающаго моржей около Югорского шара, больного не гонять, не лишаютъ причитающейся доли... у насъ гонять!—Докторъ существуетъ въ Божьемъ мірѣ для того, чтобы помочь больному; въ театрѣ—„свидѣтельствовать и доносить“ кому слѣдуетъ. Это однако не мѣшало антрепренерамъ исправно выключать изъ бенефисовъ докторскую ложу, а въ иныхъ трупахъ 5 р. изъ жалованья свыше 50 р., 10 р. свыше 100 руб. Въ актерскомъ кошелькѣ денегъ уже не прибавлялось, а убавлялось: надо было заставлять доктора лечитъ, а слѣдовательно и доносить, что „дѣйствительно боленъ“, а съ антрепренеромъ вести дѣло такъ, чтобы онъ

---

*) Въ иныхъ трупахъ двѣ недѣли.

сказалъ: ну, конечно, не вычту жалованья! И все-таки хоть за день, а вычиталъ...

Подъ опасеніемъ штрафа за три дня и болѣе (?), „не измѣній произвольно костюмъ, данный антрепренеромъ... городскіе же костюмы, перчатки, трико, манжеты, башмаки,—импъи свои“. Давали же костюмы по личной фантазіи антрепренера (напр. Аллана—тѣ же уланы: давай куртки!) и режиссера, по преданію, по экономическимъ соображеніямъ,—вѣтхіе, грязные, въ пятнахъ отъ чужаго поту, съ насѣкомыми. Иные работники, преимущественно работницы, не выносили этого и шили свои костюмы на манеръ даваемыхъ. Выходило все свое... Антрепренеру это было на руку; у актера же, въ особенности у актрисъ, деньги опять убавлялись, и сильно убавлялись.

Невыносимо было актеру въ труниѣ, рвали его душу на кусочки, сажали его на другое амплуа,—онъ „долженъ служить или внести неустойку“, равняющуюся минимум трехмѣсячному жалованью. Актеръ видѣлъ, что лакей, кухарка, поваръ, свободнѣе его: онъ решалъ, во что бы ни стало быть если не выше, то и не ниже ихъ. А для этого опять таки нужны были большія деньги,

чтобы ежеминутно быть готовому перебраться въ другую трупину. Усердіе, въ точномъ исполненіи всевозможныхъ „уваженій“ — росло... А тутъ, то въ томъ, то въ другомъ углѣ, звучало „постъ скоро, постъ“. Наши предки при императрицѣ Елизаветѣ играли въ посту, да еще гдѣ: въ духовныхъ академіяхъ!—мы не играемъ *). И ничего не получаемъ. Но такъ какъ актеру нужно было и въ посту имѣть уголь, кушать и одѣваться, то... Это то болѣе всего обрушилось на актрису.

„По общимъ постановленіямъ всѣхъ театровъ Европы, съ незамужней артистки, или неживущей съ мужемъ, которая по беременности не въ состояніи исправлять своей должности, взыскиваются убытки (?), которые отъ сего могутъ по нести содержатели“.

Виновная не хотѣла быть снятою съ афиши; она, или ловила мужа, т. е. попадала отъ дождя въ воду, — что ужъ за жизнь такой пары! — или исчезала „пропадать родныхъ“...

Правила, какъ видите, топтали человѣка какъ тряпичку какую. Они прости-

---

*) Разрѣшеніе играть въ посту что-то плохо прививается въ провинції.

Поздн. примѣчаніе.

рали свое воспитание въ некоторыхъ трущахъ до такихъ тонкостей, что приказывали „не плевать на полъ, не иловаться на сценѣ въ тубы“ и проч. и проч. *).

Живя изъ года въ годъ въ мірѣ, пронитаннымъ этими правилами, актеръ невольно озлоблялся, тужилъ, гибнуль. Отъ временіи до временіи актеры напоминали Божьему міру свои страданія. Не видя выхода ни себѣ, ни дѣтямъ изъ непротглднаго рабства и голода, они шлялись съ бенефисными билетами по переднимъ богачей; не пускали ихъ съ параднаго подъѣзда, проскользали съ чернаго; придумывали для пьесъ *свои* названія, въ родѣ „Ревизоръ“ или „Семейство мытарей“, „Эсмеральда“ или „Кровавая заключенница“, а въ концѣ афиши мольтакой-то „будетъ летать по воздуху“, или „узнаетъ мысль и желаніе публики“; просили милостыню по гостинницамъ, бульварамъ и базарамъ; глотали водку кружками въ полштофа; ночевывали въ гамлетовскомъ костюмѣ въ канавахъ и кутузкахъ; взбирались пьяные на татарскія

---

*) Общія правила для театра, изд. въ 1861 г. въ Кіевѣ директоромъ Барковскимъ; правила Одесского театра и др.

мечети и голосили, какъ музины, чѣмъ подымали цѣлые бунты среди волжскихъ татаръ. Меценаты — помѣщики и купцы накачивали ихъ отрадными напитками до положенія ризъ, возницы гуртомъ сваливали ихъ въ сани и развозили по домамъ, крича у воротъ: эй, выходи, примай свою!

Грозна и грязна была жизнь тѣхъ людей, которые первые привязывали за прось народной жизни къ духовно-церковной драмѣ и французской мелодрамѣ. Это былъ ихъ протестъ тому хищничеству, которое, прикрытое театральными правилами, владѣло театромъ.

Я не знаю, кто первый составилъ театральные правила. Судя по ссылкамъ въ правилахъ на *европейскіе* театры, не русскій онъ былъ.—Насъ всецѣло, какъ барановъ, отдали въ руки антрепренеровъ. Въ другомъ быту все низводящее человѣка на степень безсловеснаго, ползетъ невидимо, на словахъ, а у насъ — напечатано и скрѣплено рукой *самого же* работника.

Все это неизвѣстно публикѣ и прессѣ.

Рука времени не коснулась этихъ театральныхъ правилъ. Многое сгибло на Руси, но наши правила окаменѣли, стали чѣмъ-то въ родѣ ихтиозавра и мастодон-

та. Крѣпко держатся они въ провинціи до настоящей минуты, пригрѣтыя и облюбованныя антрепренерами и дирекціями.

Нѣкоторые обмороченные мои товарищи кричатъ мнѣ: эти правила *теперь* не исполняются! Извѣдать намъ на нихъ! — Да, они до того дики, что даже антрепренерская рука не поднимается явно осуществить нѣкоторые параграфы. Но отъ этого не легче. Намъ не тычутъ, какъ прежде, нахальпо подъ носъ эту отраву; но всѣ мы хорошо знаемъ, что *зачѣмъ*-то она выдается намъ изъ конторы, что въ своихъ контрактахъ мы сами подписали „подчиняться *всѣмъ* правиламъ“; и — не правда! не плюемъ мы на нихъ, потому что ходимъ съ опаской, осторожно, какъ около пороха со свѣчаю. Всю жизнь такъ ходимъ! И еще разъ, не правда! Иначе зачѣмъ же мы то и дѣло передаемъ другъ другу: — Слышалъ? — Что? — Поругались хористы—вонъ! — Какъ? — Правило... параграфъ...

— Большаковъ 2-й сказалъ грубость режиссеру (Форкати) — въ шею! Правило... параграфъ... — Костровскій отказался отъ роли — 150 р. штрафу! Правило... параграфъ...

— Въ Оренбургѣ не было сборовъ: рас-

пустить всѣхъ въ крещенскіе морозы! Правило... force majeure...

А пожары театровъ, подведенные подъ тотъ же параграфъ force-majeure?

Я припоминаю одинъ случай. По всему городу раздался вдругъ крикъ: театръ горитъ! Актеры бросились къ своему гибзду. Театръ дрожалъ и клокоталъ; головы, горящіе угли, споны искръ летѣли вверхъ; глухой шумъ расходящихся балокъ, клокотаніе пламени, какъ бы возвѣщали: погибаю!

— Ницій я теперь, ницій! лепеталь антреиренеръ, испуганно поводя глазами.

— Вретъ! заоралъ вдругъ одинъ актеръ. Онъ полтора мѣсяца жалованья намъ не платилъ... сборы были... бенефисы оттягивалъ на послѣдній... Онъ поджегъ театръ! за него и за имущество деньги получитъ... все застраховано... А намъ-то что? Нельзя такъ разбойничать! Въ Сибирь пойдешь! — и онъ грозилъ жилистыми руками надъ головою.

Но антреиренеръ въ Сибирь не пошелъ; не пошелъ онъ и съ сумою. Съ нею пошли актеры.

Поле, какъ видите, широкое. Все зависитъ, какой стихъ найдеть на хозяина.— Я знаю лично нѣсколько актрисъ, которымъ было отказано отъ службы въ силу

„европейскихъ постановлений всѣхъ театровъ“; взяли-бы съ нихъ и „убытки“, да на горе взять было нечего.

Припомню и еще кое-что. Не разъ мы были свидѣтелями, какъ въ началѣ сезона какая-нибудь *выходная* актриса плакала, потомъ... гибла. Отчего? Ей пришлось сыграть въ сезонъ *пять-шесть* ролей, требующихъ *хорошаго* платья, перчатокъ. (А сколько такихъ ролей, короче *куриного носа*, вклѣены драматургами въ пьесы ни къ селу, ни къ городу!). „Городскіе“ костюмы, по силѣ извѣстнаго параграфа, мы обязаны имѣть свои. Что было дѣлать этому бѣдному существу, получающему 25 — 40 р. въ мѣсяцъ? Отказаться отъ роли? Штрафъ, потеря службы. Кое-какъ сбилась она, разъ-другой, на кисейное платье, скрѣпля сердце выпросила кое-что у *большихъ* актрисъ (эти *большія* были когда-то такими-же), вышла на сцену прилично, по роли; по рядомъ съ нею вышла актриса въ сто рублевомъ платье, въ брилліантахъ (фальшивыхъ). играя *такую-же* дѣвушку... и она прошала. Публика толкуетъ антрепренеру: ну развѣ можно выходить въ какой-то тряпкѣ! Антрепренеры и рецензенты вторятъ: нельзя! Эта публика, эти рецензенты *) и ан-

---

*) Во все мое скитаніе изъ театра въ

тренереры — не понимают, что ея кисейное платье, за часть, за два до спектакля смочено слезами, потому что не на что было кушить углей разогреть утюгъ,—что такое платье именно и нужно по иесѣ, даже съ этими слезами, что большія артистки одѣты не такъ! (Гоньба въ богатствѣ костюмовъ доила у насъ на сценѣ до грандіозныхъ размѣровъ. Я не знаю ни одной актрисы, которая одѣвалась-бы сообразно роли: чиновницы въ шелку и брилліантахъ, пейзанки въ атласѣ и золотѣ; но я знаю многихъ талантливыхъ актрисъ, которымъ въ той или другой трунѣ отказано за бѣдный гардеробъ). Намъ какое дѣло: хоть на содержаніе ступай! говорить начальство пре- театръ я могу упомянуть съ почтеніемъ только о недавно умершемъ рецензентѣ И. Гольцѣ-Миллерѣ (помѣщалъ стихи въ „Современникѣ“, „Огеч. Зап.“ и „Вѣстникѣ Европы“ подъ буквами И.—Г.—М.). Остальные или дѣти по лѣтамъ, или дѣти по уму. Первые — выбираютъ себѣ *любимца*, который угощаетъ ихъ въ сласть: ему — всѣ лавры, другимъ — помои. Вторые — памѣчиваютъ *любимицу*, разсыпаютъ ей съ галерки стихи, пишутъ сами-же отчеты о такихъ овацияхъ, играво продергивая тѣхъ, кто съ *нею* не ладить, похваливая другихъ, кто съ *нею* хороши.

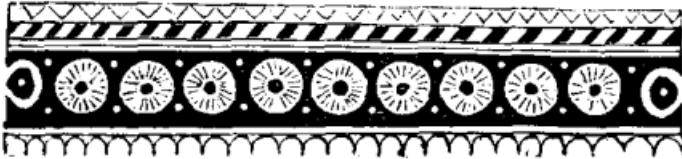
тендующей, а иногда и мы сами въ свои бенефисы. Что ей остается? Остается послушаться умныхъ совѣтовъ. Такая ужъ толстая кость у насть, мужчинъ, что мы до сихъ поръ не понимаемъ, что женскіе оклады должны быть выше нашихъ. У нашего брата, у мужчины, если есть фрачнай пара, сюртукъ, бѣлый жилетъ, памъ и горюшка мало: бѣлый жилетъ выручить во всемъ. А актриса? Нельзя ей выходить въ двухъ-трехъ платьяхъ. А юбки? Спросите актрису, что стоять не юбки, а мытье ихъ? Да, много талантливыхъ дѣвушекъ сгибло, а съ ними и тѣхъ, кто вздумалъ спасать ихъ, не пощатнувъ ни одного изъ нашихъ классическихъ правиль! Въ любой труппѣ, состоящей изъ 10 — 12 актрисъ, на худой конецъ двѣ хлопочутъ обѣ обожателяхъ, чтобы... сдѣлать платье! Остальная пылять о томъ же близкихъ, вырываютъ кусокъ у своихъ дѣтей. Тутъ сама мать говорить дочери: будешь богата — будешь выше товаришекъ! И она, эта мать, права: антрепренеръ говоритъ: „ей можно дать лишинее — она съ гардеробомъ!“

И такъ, платье убило человѣка. Отчего? Оттого, что живая тряпница старалась изъ всей силы не проштрафиться. Театральный катехизисъ вошелъ въ нашу плоть и

кровь. Первый параграфъ гласить: „уважай автора“. Безъ этого параграфа режиссеръ вооружился-бы карандашомъ и похерилъ бы *куриную* роль.—Гр. режиссеры: валите, смѣло валите по боку маленькия роли — вы спасете не одну душу! А если въ какой піесѣ нельзя этого сдѣлать (наприм., кирижны въ „Горе отъ ума“),—гоните, по меломъ гоните со сцены *большихъ* актрисъ, отказывающихся по силѣ своего контракта отъ такихъ ролей, потому что это ясный признакъ бездарности и они ошиблись своимъ призваніемъ.

Полагаю, примѣровъ довольно. У насть свое самоуправление, свои законы. Мировой судъ для насть не существуетъ: подпиная пашн дикіе контракты, мы сами его отвергаемъ. Превращаемся въ пузырь, который дуютъ, пока не лопнетъ. „Уважай, молчи, долби, *не* возражай, *не* хворай, *не* люби“ гонять насть все ниже и ниже. Нужда усиливаетъ нашу зависимость; намъ мерещется голодъ въ старости, необеспечение въ болѣзни...

Если вы, мои товарищи, готовы жертвовать дорогими существами и собою, то кричите противъ меня. А мои бока все таки чувствуютъ тѣ стѣны, въ которыхъ насть закупорили, и что совершается въ театрѣ во имя нашихъ правилъ—единымъ Богомъ можетъ быть прощено.

XI.

Антрепренеры.

Ъ ЛЕГКОЙ руки горбатенькаго грека Медокса , антрепренеровъ на Руси развелось какъ грибовъ. Газеты и журналы съ энтузіазмомъ пѣли имъ хвалы; городскія думы съ умиленіемъ жертвовавали имъ три, шесть, девять тысячъ, а бывшій одесскій карантинъ хватилъ чуть не 20 тыс. Сановники и купцы распоясывали мошну для постройки цивилизующихъ зданій. Деньги не сыпались только въ сундуки дураковъ. Антрепренеры покупали дома, земли, и пѣли хвалу искус-

ству, глотая временные неудачи бѣгствами, поджогами театровъ, подиумками и проч.

Это былъ крѣпостной періодъ, доброе старое время.

Вдругъ житейскія волны и ураганы качнули наши невольничіе корабли: рули вышли изъ опытныхъ антрепренерскихъ рукъ. Это была эпоха освобожденія крестьянъ. Театры стали пустѣть; только въ нѣкоторыхъ приморскихъ городахъ, во время пшеничныхъ горячекъ, валили сборы; бары-меценаты сменялись менѣемъ вороньемъ, знающимъ толькъ въ „поѣздахъ на островъ любви“; исчезла прежняя публика, располагавшаяся въ ложахъ съ *своими* закусками и чаями; въ однихъ сибирскихъ городахъ уцѣлѣли еще кое-гдѣ купцы, берущіе „для семьи одиннадцать ложъ“, а въ имянины жены платящіе за *весь* сборъ, чтобы только антрепренеръ отпустилъ къ нимъ на домъ театральный оркестръ; городскія думы стали отыскивать отъ субсидій; „накачиваніе“ актеровъ до разныхъ воспаленій уцѣлѣло на двухъ-трехъ большихъ ярмаркахъ, актеры, при помощи желѣзныхъ дорогъ, стали чаще мѣнять труппы, стали разсуждать, читать и—о, дерзость!—писать о театрѣ. Начали, хоть робко, но все-же

начали ковырять перьями створки театральныхъ раковинъ *).

„Цивилизующія“ зданія стали оказываться чѣмъ-то въ родѣ фальшивыхъ деревень изъ декорацій, которые выставлялись по берегамъ Днѣпра во время путешествія Екатерины.

Антреиренеры заметались какъ воронье. Въ эту грустную для нихъ годину явилось два-три антреирина-иностранца, которые отстояли свое *священное дѣло*. „Почтенные сотоварищи!“ крикнули они остальному вороною своимъ примѣромъ: „ужели послѣ многихъ десятковъ лѣтъ, чреватыхъ деньгами, мы остановимся на пути перевода денегъ въ наши карманы? О чёмъ шумѣть и хныкать: спасеніе въ нашихъ рукахъ! Облетимъ мысленно большие города, что тамъ даетъ за ложу на одинъ спектакль годовое жалованье трехъ народныхъ учителей? **) итальянская опера. Вспомнимъ барыши нашего прадѣда Франциска Арайя ***). Мы должны при-

---

*) Одно изъ театральныхъ правилъ гласить: „не дозволяется ни подъ какимъ видомъ открывать театральные тайны“.

**) Въ Москвѣ былъ случай, когда за ложу дали перекупщику 500 р.

***) Директоръ первой итальянской труппы,

вить итальянскую оперу не только въ губернскихъ, но, по возможности, и въ уѣздныхъ городахъ. Русскіе спектакли мы пустимъ на пристяжку, съ декольтированными актрисами и актерами. Для этого есть у насъ Оффенбахъ: *суть* его публика не лойметь, но *вишнность* — положить намъ деньги. Мы должны: 1) залучить въ почетные директора тѣхъ изъ вліятельныхъ людей, которые поощряютъ все чужое; 2) поощрять тѣхъ изъ русскихъ артистовъ, у которыхъ — разжиженіе мозга; стараться, чтобы они намъ задолжали, потому что *датъ* на нашемъ языкѣ значить *взять*: будущій заработка ихъ — неотъемлемо нашъ, они не ускользнутъ отъ насъ; 3) обратить вниманіе на нашихъ секретарей и режиссеровъ; цѣль ихъ — постоянно стравлять актеровъ, чтобы тѣ, за своими битвами не видали нашихъ дѣяній; 4) для обузданія возможнаго протеста, раздать рецензентамъ даровыя мѣста и пить съ ними шампанское, где только возможно. Вы увидите, публика и пресса опять назовутъ насъ *друзьями* народа, деньги хлынутъ въ наши опустѣлые кассы.

вызванной въ 1735 г. императрицею Аниою Ивановною.

Трудно передать, что за симъ воспоминаніе слѣдовало. Публика дрогнула. Восторги, крики, смятеніе, букеты, бенгальскіе огни; у театральныхъ кассъ были переломаны десятки реберъ; чиновники, писавшіе всю жизнь „а посему“, генералы, приказчики и лавочники, горничныя, щелкающія щечки, профессора, уличные мальчишки, офицеры, лакеи съ барскими окурками въ карманахъ, гимназисты, студенты—все занѣло итальянскіе мотивы и „чтобъ исправиться ей, надо быть веселѣй“, или „гуся-гуся-гуся“... Молодежь, съ свѣжею кипучею кровью, молодежь, купино съ старичками, ловила на память лоскутки великолѣпно разрываемыхъ цветовъ „Аленками“, галлонировала вмѣсто лошадей у дышила пѣвицъ. Газеты разругивались въ дребезги изъ-за какой нибудь *diva* или конячье аріи. Образовался цѣлый классъ людей, живущихъ только переиздажею театральныхъ билетовъ. Опера и оперетка, съ своими исполнителями, заняли красный уголъ. Десятки тысячъ сердецъ бились единодушно и восторженно... за иностранное!

Русскій актеръ остался болѣе, чѣмъ когда-либо, прииженнымъ. Чтобы понять, каково было намъ сладко, остановлюсь нѣсколько подробнѣе на двухъ лучшихъ

провинціальныхъ театрахъ—Харьковѣ и Одессѣ.

Въ одинъ изъ сезоновъ послѣдняго десятилѣтія, я несъ въ Харьковѣ обязанности актера и режиссера. До этого сезона въ Харьковѣ играли ежедневно только въ ярмарки (въ городѣ, какъ известно, съ августа по великій постъ, три ярмарки); мы полагали, что и теперь такъ будетъ, тѣмъ болѣе, что антрепренеръ обязался городу привезти итальянскую оперу. Но антрепренеръ, *не знающій ни слова по-русски*, *) „приказалъ“ мнѣ, чтобы и не въ ярмарку шли спектакли ежедневно. На мое замѣчаніе, что это немыслимо, отвѣтилъ: „не желающіе могутъ не служить!“—сказалъ, сѣвъ на перекладину и покатилъ въ другую свою трупину въ Таганрогъ.

„Могутъ не служить!“ Коротко и убѣдительно.—На сцену выходили на авось; *считку* новыхъ цесарь дѣлали иногда по почамъ, послѣ спектакля, а то и безъ считки; „досыпали“ на репетаціяхъ и во время спектаклей, въ ожиданіи своего выхода. Разъ Шмидгофъ такъ уснулъ, что сго

---

*) Это не рѣдкость. На одесскомъ театральномъ горизонте недавно блестѣло подобное же свѣтило г. Суръ.